

К 170-ЛЕТИЮ ГИБЕЛИ А. С. ПУШКИНА

Н. В. ЗАХАРОВ

Смерть и бессмертие Пушкина*

Первая декада февраля каждого года традиционно связана с одной из самых трагических дат

в истории русской культуры. В день памяти священномученика Игнатия Богоносца 10 февраля (29 января по старому стилю) исполнилось 170 лет со дня смерти величайшего русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Творчество правнука петровского крестника Ибрагима Ганнибала стало основополагающим началом для классической русской культуры. С именем Пушкина мы связываем появление русского литературного языка, прекрасных стихотворных строк, возникновение теории русской драмы, становление русской переводческой школы, создание оригинальных литературных жанров («роман в стихах» и «маленькие трагедии»), формирование реалистического взгляда на жизнь и историю. Пушкин стал для нас тем же, чем в свое время стал для британцев Шекспир!

Благодаря Пушкину русская литература не только овладела мировым наследием, но и сама стала явлением мировой культуры.

Пушкин *освоил* все роды и жанры мировой словесности (как никто другой русский поэт постоянно экспериментировал со сти-

хотворными размерами), сделал творения *чужого* гения, *чужой* культурной традиции в литературе

близкими и понятными нам (вечные образы Дон Жуана, Мефистофеля, Фауста, Отелло и др.). Его просветительская деятельность легла в основу освоения русской культурой *чужого*, но не *чуждого* художественного наследия Европы. Его диалог с мировыми гениями античности, английского ренессанса, французского классицизма, с немецкими «штюрмерами» и романтиками (с Шекспиром, Мольером, Гете, Байроном и др.) был диалогом равных.

Нам — унаследовавшим его «всечеловечность» и «мировую отзывчивость» (именно так определил пушкинскую способность делать чужое своим другой гениальный ученик Пушкина — Ф. М. Достоевский) — есть чем восхищаться. Пушкинское наследие живет в нас с ранних детских лет и остается с нами всю жизнь. Воистину Пушкин — «наше все» (А. Григорьев)!

Именно «наше», а не «их», потому как другим европейским народам он зачастую кажется малопонятным. Ни немцы (первый перевод неизвестного автора на немецкий язык «Кавказского пленника» датируется 1823 г.), ни французы (несмотря на то, что на

* Статья написана в рамках проекта «Россия и Европа: диалог культур во взаимотражении литератур», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (грант 06-04-00578а).

французский язык Пушкина переводили талантливые писатели и поэты — П. Мериме, А. Дюма, Тургенев и Виардо), ни англичане, ни итальянцы, ни шведы и финны не смогли перевести гениальную простоту русского поэта, разгадать код его творчества. Даже для большинства тех иностранцев, кто читает Пушкина на русском языке, он не более чем прекрасный стилист, умелый ремесленник и рассказчик; не оригинальный автор, а подражатель западным литературным образцам. И здесь не стоит испытывать комплекс неполноценности или обижаться на непонятливость чужестранцев. Напротив, есть повод еще раз восхититься нашим таинственным поэтом, осознать то, что сделало нас народом, шагнувшим из «варяг в греки».

Тайна Пушкина — это тайна России, тайна нашего миропонимания и самосознания, тайна нашей истории. Донести загадку Пушкина до англо-американского читателя не смог даже такой талантливый писатель, переводчик и полиглот, как В. Набоков. Не прислушавшись к советам своего гениального предшественника, он попробовал справиться с задачей дословного перевода¹, возможность которого сам Пушкин отрицал. Набоков занудно перевел «Евгения Онегина» прозой, убив в нем как Пушкина, так и саму поэзию, но провозгласил свой педантичный перевод блестящей попыткой буквализма. «Евгений Онегин» продолжает оставаться «энциклопедией русской жизни» (и души!) только для русских.

Прекрасно, что мировые гении выходят из национальных литератур. Сегодня невозможно представить мировую культуру без гениального британца Шекспира. Но то, что у русской культуры есть свой мало кому ведомый гений-прародитель, ставит нас в совершенно особое положение. С Пушкиным мы «переумнили» (термин А. Зиновьева) западноевропейскую цивилизацию, вернее западное представление о нас.

У нас много славных имен, и пусть японцы и американцы считают, что самый выдающийся русский писатель — Достоевский, французы — Тургенев, немцы — Толстой,

англичане — Чехов, а китайцы — Горький. Не будем с ними спорить и пытаться их переубедить в этом. Пусть нам (и только нам!) ясна непреложная истина, и мы скажем про себя, что вся отечественная культура стоит на Пушкине.

Симптоматично, что в общей переоценке ценностей и падении уровня нашей культуры имя Пушкина остается для нас святым.

Справедливости ради, однако, отметим, что нередко фигура Пушкина привлекает многих наших соотечественников не в связи с его творчеством, а в свете скандала, приведшего его к трагической гибели. В псевдонаучной прессе, в журналистике муссируется ставший популярным миф об убийстве писателя целым кругом заговорщиков из аристократической черни. Массовая культура диктует свои законы подачи материала и жанровый взгляд на происходящее, этим же руководствуются те, кто сегодня представляет жизнь поэта в интимных подробностях. Доживи Пушкин до наших дней, сколько бы нового он узнал о себе и своем окружении, скольких бы лжецов и сплетников пришлось бы ему вызвать к барьеру!

Такой поразительно живучий интерес к фигуре поэта объясняется не только успехами школьной программы, которая заставляет нас взглянуть на историю с позиции личности. Сравнительно немногие русские писатели вызывают в народном сознании такой неподдельный интерес к ним и способны удерживать общественное внимание так долго и не только в связи с подходом очередной юбилейной даты. Уход Льва Толстого из имения в Ясной Поляне вызвал целую истерию вокруг этого, казалось бы, сугубо личного события. За писателем повсюду следовали журналисты, обстоятельства последнего путешествия Толстого мгновенно становились достоянием всех новостных газет. Частный случай разросся до пределов общенациональной трагедии, интерес к обстоятельствам семейного скандала продолжает жить, подогревать наше любопытство, лишний раз доказывает известную формулу, что «поэт в России больше, чем поэт» (Е. Евтушенко).

Конечно, хорошо, что интерес к пушкинскому наследию поставлен у нас на государственном уровне (и не только российском: английский принц Чарльз спонсировал репринтный выход рабочих тетрадей Пушкина), но, вспоминая размах празднования 200-летия со дня рождения поэта, невольно задумываешься об абсурдности ситуации, когда родовое гнездо поэта в Михайловском преобразил «евроремонт» и свежий запах финской краски «Тиккурилла» забивал аромат полевых цветов. Хорошо, когда появление нового фильма о последних днях поэта сопровождается вниманием власти, выходит на первом телевизионном канале, становится доступным всей стране². Но навязывание нам образа гениального поэта, по-человечески слабого, не чуждого проявлению всех страстей, не самый благодарный способ увековечить его светлую память в сознании грядущих поколений. В руках сценаристов Пушкин становится мелким интриганом, шкодливым и плутливым кривлякой, неприлично жестикулирующим, способным ради мести за попорченную честь жены на любой макиавеллизм. Впрочем, в этом политическом детективе с грязью смешивается не только Пушкин, но и весь высший свет: царь Николай I предстает солдафоном и озабоченным жеребцом, трусливо плетущим свои сети вокруг почтенного семейства поэта (о его ратных подвигах и личной храбрости нет ни слова). Ради интриги с прекрасной Натали Николай Павлович задумывает двойную игру, где кавалергардский поручик Джордж Дантес и голландский посланник барон Луи Геккерн оказываются всего лишь подсадными утками и подставными исполнителями убийства поэта. Завершает детективную историю начатое по приказу того же императора расследование обстоятельств смерти поэта, которое проводит вымышленный персонаж — полковник Галахов. Кто же таким образом становится истинным заговорщиком и пасквильантом? Не сами ли создатели фильма?

Впрочем, не все снимают кино. 31 января 2007 г. в Большом зале московской консерва-

тории состоялась мировая премьера оперы Алексея Александровича Николаева «Последние дни»³. В основу либретто, написанного еще в конце 80-х XX века, легла пьеса М. Булгакова «Пушкин. Последние дни»⁴. Опера прозвучала в исполнении Государственной симфонической капеллы России под управлением Валерия Полянского.

Жанр оперы — смесь лирической драмы и трагикомического фарса, хронотоп — временное совмещение загадочных событий последних дней жизни Пушкина с процессом отпевания поэта в Конюшенной церкви.

Так или иначе постановка неизбежно ставит проблему, связанную с либретто оперы. Пьеса Булгакова написана в 1935 году в спешке, практически ради гонорара и содержит обязательную для той эпохи критику царизма.

О Пушкине и раньше писали в подобном тоне. Так, в пьесах В. Каменского «Пушкин и Дантес» (1924) и Н. Лернера «Пушкин и Николай I» (1927) изображалась трагедия обманутого мужа, в пропагандистском кинофильме «Поэт и царь» (1927) Николай I нажимает в кадре курок пистолета вместо прицеливающегося Дантеса. Тема участия в убийстве Пушкина царя стала козырной картой для советской драматургии и кинематографа.

Приступая к работе над пьесой, Булгаков стремится как следует разобраться во всех «темных местах» пушкинской трагедии, ради чего обращается к В. В. Вересаеву, автору популярной в то время книги «Пушкин в жизни», но тандем двух творческих личностей распался из-за противоречий возникших в ходе совместной работы⁵. Версаев разделял Пушкина-человека и Пушкина-поэта⁶.

Булгаков, напротив, гуманизировал его, делая жертвой «адского» злодейства царя, что, как мы теперь знаем, не соответствовало исторической правде⁷. Но самое главное, история жизни и смерти Пушкина в пьесе Булгакова во избежание «вульгарности» (см. «Дневник» Е. С. Булгаковой) была написана без роли самого поэта!

Пьесой заинтересовались мхатовцы и вахтанговцы, были заключены договоры со многими театрами, но после разговора 16 марта 1936 года с председателем комитета по делам искусств П. Н. Керженцевым «Пушкина» сняли с репертуара. Только 3 года спустя МХАТ возобновил разговоры о постановке пьесы, но Булгакову так и не было суждено увидеть свою пьесу на сцене.

Сюжет последней дуэли Пушкина привлекал и продолжает привлекать бесчисленное число интерпретаторов странных событий, предшествующих смерти поэта. Материалы, свидетельства и версии произошедшей трагедии можно обнаружить в работах П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.», в «Воспоминаниях» В. А. Сологуба, в «Литературных воспоминаниях» И. И. Панаева, в «Приключениях Лифляндца в Петербурге» и в «Петербургских очерках» П. В. Долгорукова, в «Записках» А. В. Никитенко и Н. И. Греча и др.⁸ Эта тема остается одной из самых популярных среди профессиональных пушкинистов и любителей творчества, оставаясь при этом неразрешенной⁹.

Впрочем, вопрос о том, кто виноват в смерти поэта, лучше перевести в другую плоскость: как умирал Пушкин? Смерть поэта явила сразу два подвига: общечеловеческий и духовный. Человеческий подвиг Пушкина описан в воспоминаниях военного врача Владимира Даля, много повидавшего за годы своей врачебной практики: мужество, с которым поэт перенес болезненную агонию, отказался от морфия, способного уменьшить страдания ради сохранения сознания, необходимого для прощания с друзьями и близкими, — еще одно подтверждение величия Пушкина-человека¹⁰. Духовный подвиг Пушкина-христианина поражает еще более. Прощение смертельных врагов Дантеса, Геккерн и всех остальных, исповедь в содеянных за жизнь грехах, наконец, примирение с самим собой — вот истинный поступок русского гения!

Можно сколько угодно говорить о том, что таковы были условности времени, что

по-другому Пушкин и не мог поступить, что все русские аристократы должны были умирать от ран подобным образом, но умалить символичность его христианского ухода невозможно¹¹.

Спустя пятьдесят лет годовщина гибели поэта припала на неделю о блудном сыне. Архиепископ Херсонский и Одесский Никанор (Бровкович), сопоставив многомятежную жизнь Пушкина и христианскую его кончину, произнес в тот день замечательную проповедь, посвященную возвращению заблудшего поэта в «объятия Отца»: «Это был сын Отца Небесного, как и все мы, но сын, особенно любимый, потому что необычайно одаренный. В доме Отца Небесного пребывал он кроткою верою недолго, по-видимому, только в чистом невинном детстве... Зато его глубокий дух, погружаясь в общерелигиозное сознание русского народа и всего, как христианского, так и магометанского, как древле-, так и новоязыческого человечества, проникал это волнующееся, то светлое, то мрачное море до последних его глубин. И это-то соприкосновение с колебаниями современного ему религиозного сознания отразилось тяжкими колебаниями в его собственном духе...»¹².

Из всех духовных заблуждений поэта архиепископ Никанор более всего обрушивается на пушкинское эпикурейство, которое поэт в своем раннем творчестве возвел в культ языческих божеств Киприды и Купидона, Вакха, Аполлона, муз и харит, чего автор проповеди не обнаруживает в поэзии других мировых гениев: «Видим мы в этой поэзии не только обнажение блуда, не только послабление ему, но и одобрение его в принципе, но и воспевание его в обольстительных звуках, но и всяческое поощрение к нему, но и заповедание его в предсмертных завещаниях поэта. В этом направлении ниспадение его делом, мыслию и острым метким словом простиралось, по-видимому, до последних крайностей. Где мы что подобное видим? Гомер, Вергилий и Гораций, без сомнения, бесконечно стыдливее. Даже Байрон, несмотря на некоторую поэму,

целомудреннее в творческом слове. У Гете, у Шиллера, у Шекспира ничего подобного. Доказательство того, что можно стяжать славу мировых поэтов, не наигрывая на подобных струнах в слух всего мира... Вслед за песнями в честь языческого культа наш поэт воспекает и все страсти в самом диком их проявлении: половую ревность, убийство, самоубийство, игру чужою и своею жизнью...»¹³.

Трагедию Пушкина Архиепископ Никанор видел в его человеческой двойственности, в борьбе «плотского» и «духовного» начал и приходит к выводу, что в конце концов победу одержало последнее, «что его кончина была хотя и не безболезненная и не мирная, тем не менее все же христианская»¹⁴.

«Солнце русской поэзии закатилось», — сказал в некрологе В. Ф. Одоевский, но закат этот оказался только физической смертью Пушкина. Историей ему было уготовлено обрести вечную жизнь в памяти потомков.

¹ См. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб., 1999.

² Так, режиссеру художественного фильма «Пушкин. Последняя дуэль» Наталье Бондарчук была вручена грамота от Администрации Президента РФ и орден М. В. Ломоносова от Академии безопасности, обороны и правопорядка. Картина была представлена на кинорынке в рамках Берлинского кинофестиваля, показана в Лондоне и Париже. См. официальный сайт проекта: <http://www.lastduel.ru/>

³ Кроме «Последних дней», А. А. Николаев написал на пушкинские сюжеты еще две оперы — «Пир во время чумы» и «Граф Нулин».

⁴ В свое время написать оперы на эту тему думали С. Прокофьев и Д. Шостакович.

⁵ См. переписку писателей, опубликованную Е. С. Булгаковой в журнале «Вопросы литературы» (1965. № 3), а также: Булгаков М. А. Письма. М., 1989.

⁶ Против подобной интерпретации жизни и творчества поэта в свое время выступали

М. Цявловский, Г. Винокур, Н. Пиксанов, Д. Щеголев, В. Шкловский и др.

⁷ См.: Рабинянц А. Г. Из творческой истории пьесы М. Булгакова «Александр Пушкин». Булгаков и пушкинистика 1920–1930-х гг. // Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. А., 1987. С.84–85.

⁸ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: В 2 кн. М., 1987; Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения собственной с. имп. в. канцелярии. СПб., 1908; Сологуб В. А. Воспоминания. Новые сведения о поединке П-ина. М., 1866; Панаев И. И. Литературные воспоминания. А., 1928; [Ленц В.] Приключения Лифляндца в Петербурге // Русский архив. 1878. Кн. 2. № 4; Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992; Никитенко А. В. Записки и дневник: Т. I–II / 2-е изд. СПб, 1904–1905; Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб., 1886. См. также: Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккерном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. М., 1992.

⁹ Есть и одиозные исследования и версии по поводу «будуарной» жизни и смерти Пушкина. См., напр.: Зинухов А. Медовый месяц императора. М., 2002. В своих спекуляциях автор доходит до абсурдных выводов, что отцом последнего ребенка Пушкина был похотливый царь. Дескать, родившуюся 23 мая 1836 г. дочь могли зачать не ранее 5-го и не позднее 15-го сентября предыдущего года, в то время, когда поэт находился в Михайловском, что в отличие от трех остальных детей Пушкина девочка отличалась высоким ростом и другим характером. Конечно, ни о какой сколько-то серьезной научной обоснованности данной гипотезы речи не идет.

¹⁰ Даль В. И. Записка доктора В. И. Даля // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отделении рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. Пг., 1916. Вып. 25/27. С. 64–71.

¹¹ См.: Андреев И. М. А. С. Пушкин: (Основные особенности личности и творчества гениального поэта) // А. С. Пушкин: Путь к православию. М.: Отчий дом, 1996. С. 7–65; Анас-

тасий (Грибановский; 1873–1965). Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви / Митр. Анастасий (Грибановский) // Там же. С. 66–129; Антоний (Храповицкий; 1863–1936). Пушкин как нравственная личность и православный христианин / Епископ Антоний (Храповицкий) // Там же. С. 130–144; Иоанн (Восторгов; 1864–1918). Вечное в творчестве поэта / Протоиер. Иоанн Восторгов // Там же. С. 164–182; Панченко А. М. Пушкин и русское православие. Статья первая // Русская литература. 1990. № 2; Давыдов С. Пушкин и Христианство // Записки русской академической группы в США / Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the USA. 1992–1993. Т. 25. С. 67–94; Духовный труженик. А. С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб., 1999; Сквозников В. Д. Пушкин. Историческая мысль поэта. М., 1999. Неубедительны и несостоятельны попытки опровержения православного смысла творчества Пушкина: Марьянов Б. М. Крушение легенды. Против клерикальных фальсификаций творчества А. С. Пушкина. Л., 1985. Не убеждают

и другие исследователи, попытавшиеся опровергнуть православный смысл творчества Пушкина: Кибальник С. А. Художественная философия Пушкина. СПб., 1993; Сарнов Б. «...И где опустишь ты копыта?» // Вопросы литературы. 1994. Вып. IV.

¹² См.: Архиепископ Никанор (Бровкович А. И.). Беседа в неделю блудного сына, при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина), по истечении 50-летия по смерти его // А. С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. [<http://www.pravoslavie.ru/put/070210173317>]. Любопытным может показаться факт, на который указывает сам Никанор: «По независящим от нас обстоятельствам пришлось нам поминать заупокойным молением целых трех, самых великих наших писателей в день евангельского блудного сына: сперва Достоевского, затем Аксакова, а теперь вот поминаем раба Божия Александра Пушкина, великого нашего поэта, по исполнении пятидесятилетия со дня его кончины».

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.